

ИЗ КНИГИ «В ЛОГОВЕ ДУШИ» (1994)

Все мы дети грязной и безумной,
под собой не чуемой земли.
Наши Грины вымерли, как зубры,
на мели все наши корабли.

Апокалипсическое время!
Наши корабли уже на дне.
Я сейчас ни с этими, ни с теми,-
я сейчас с собой наедине...

Серебряный век

Неподвластная духу тленья,
проступает теней игра.
Лики умерших поколений
оживают в овалах рам.

В полумраке пустынных залов
канделябры... Старинный плюш...
Тайным отблеском от кресала
брезжит опыт высоких душ.

Вечный светоч эпохи прошлой!
Эмигрирую в эру ту.
С современностью этой пошлой
примириться не вмоготу.

Твой корабль уплывает в дали.
Тайновидческий путь тернов.
Припадаю к тебе, попадаю
в очертанья следов и снов...

Сергей Эфрон

*Такие в роковые времена
слагают стансы и идут на плаху.
М.Цветаева*

Застывшие траурной чёрной оправой
глаза его передо мною.
Неправый герой с геростратовой славой,
распятый своею страной.

Об ангеле том со светящимся ликом
Марина в стихах рассказала.
Волшебною бусинкою сердолика
судьба их навеки связала.

Он был её гаванью тихой и нежной,
где сердце от шторма спасалось,
куда покаянно от бури мятежной
на круги своя возвращалось.

Он брал на себя её блажи и беды,
заморыш с душою атланта.
Был рыцарем бедным и лебедем белым,
и воином, и эмигрантом.

Залётные ласточки строчек заветных,
души почерневший Везувий:
«Узнав, что Вы живы, бродил до рассвета,
от радости обезумев...»

Он был её паж, её мальчик послушный,
но стыли набухшие жилы...
«О, мне ничего от Вас больше не нужно,
лишь только бы знать, что Вы живы!»

И встреча под небом, чужим и далёким,
на старом Берлинском вокзале,
где в смертных объятиях мокрые щёки
друг другу они отирали.

Бессмысленно в судьбах запутанных рытться,
(в своей бы дай бог разобраться),
но снова кричат, обжигая, страницы,
и я не могу оторваться.

Любимая родина в дымке туманной
зовёт, и дурманит, и манит.
Но только забрезжит небесною манной -
и снова жестоко обманет.

Его поселили на Болшевской даче.
Они возвратились на муки.
Уже не мечтали, не ждали удачи,
а только конца и разлуки.

И в камеру ночью к нему херувимы
слетали, луной озаримы...
Он жил лишь на трепетной, неуловимой,
пронзительной струнке Марины.

Из строк протокола: «Я не был шпионом,
а честным агентом советским...»
Наивный политик, романтик зелёный,
гидальго с улыбкою детской!

Он мог быть поэтом, учёным, актёром,
он мог бы вычитывать гранки,
когда б ни покрывшие имя позором
кровавые тайны Лубянки.

О как же грязны и заражны следы их
заглазных Союзов, Евразий,
что даже такие — слепые, святые -
забрызганы кровью и грязью!

Безгрешный палач, невинный убийца,
в веках тебе не оттереться...
И пепел Клааса бессильно стучится
в моё обожжённое сердце.

В тот час роковой, расставаясь глазами,
ни слова они не сказали.
Его расстреляли в Орловском центре.
И стансов о нём не слагали.

Соперницы

Их звали Марина и Анна.
Теперь они обе в раю.
Уж сколько им пели осанну!
И я им ещё пропою.

Их сравнивать неплототворно,
как сравнивать лаву в огне
с разреженным воздухом горным,
что равновелико вполне.

Мне дорог до боли сердечной
Маринин кровавый восторг
и — тайна ахматовской речи,
гармония камерных строк.

Храня старины отпечаток,
вписалась одна в антураж
вуалей, мехов и перчаток
и прочий салонный пейзаж.

Другая — кабацкой царицей
взошла по ступеням голгоф,
себе воздавая сторицей
исторгнутым золотом строф.

У них не случилось союза.
Судьба их мосты развела.

Ахматовой строгая Муза
безмерности не приняла.

Была ли здесь чуточку ревность,
надменность дворянских кровей?
Она ведь была королевой!
А разве их может быть две?

Соперницы... Но ненароком
вражду побеждало родство. -
Служители богу Эроту
и сёстры великой Сафо!

Две Музы, огня и печали,
и обе волнуют нам кровь.
Как две стороны той медали,
что жизнь выдаёт за любовь.

Мандельштам

Его стихи росли из снов,
и обертоны слов невнятных
крушили азбуку основ
и отдавали нотой мятной.

«Немного красного вина...»
Пью по глоточку и хмелею.
И повторяю имена:
«Россия, Лета, Лорелея...»

Взрывоопасен Пастернак,
прекрасен Блок и Фет всемогущ,
им благоволил Божий знак,
их совершенство без извилин.

Но тот — наивный и смешной,
не с своего плеча одетый,
с нелепо вздетой головой, -
карикатура на поэта,

он был сладёной из сладён,
и недотёпой, и растяпой.
Он был бродягой, как Вийон,
и легкомысленным, как Чаплин.

Кололи глаз его грехи
и смех ребячий без причины.
Монументальные стихи
им сочинялись не по чину.

Неволей пуще всех охот
текли они струёй из крана,
и воспалённый их бормот
звучал, как музыка органа.

Ему так страшно было жить.
Он был пугливым, точно серна.
Хотел губами ворожить,
мечтал согреться спичкой серной.

Как птичка с горлом золотым
сгорал в неугасимом жаре.
Он с веком волчьим был на ты,
он заглянул в зрачки державе.

Тебе ли этот мой упрёк,
певец замученный и милый,
что жизнь свою не уберёг,
спасая душу от могилы?

Промчались годы, отрубя.
Нагрязнул рынок мелочёвый.
И знают, в основном, тебя,
увы, по песням Пугачёвой.

И век не тот, и жизнь не та.
Но мир не сделался добрее.
Кругом паучья глухота
и власть, как руки брадобрея.

На улице сыро и серо,
и сердце одето в печаль.
Сквозит за решётками сквера
промозглая голая даль.

Остатки июльского пира
на грязном осеннем столе.
И вся подноготная мира
сиротски открыта земле.

Вот улица. Вот и аптека.
А где же заветный фонарь?
Разбила себе на потеху
какая-то пьяная тварь.

И всё холодней век от века.
И Блок принесён на алтарь.

Одиночество

А ночь черна, как совесть мира.
Гвоздями звёзд прибито небо.
Душе, затерянной и сирой
приюта не было и нету.

Мир логики и правил ложных
течением жизни обесценен.
Мой добрый ангел крылья сложит.
Развязка близится на сцене.

А мир-то пуст... И воеет ветер.
Горит безмолвная селена.
Один, один на целом свете
наш голый шарик во вселенной.

Глухое эхо не ответит
душе, что зябкими ночами
во тьму своих тысячелетий
глядит бессонными очами.

Но как же это всё случилось?
Живу, дышу помимо воли.
Заря лучилась. Я училась
любви, терпению и боли.

На улицах, в домах и в душах
такая морось, грязь и гнусь.
Весь город уж по уши в лужах.
Я злюсь и у окна томлюсь.

Дождь чертит вкось свои конспекты.
Чего мы ждём? Куда пойдём?
Поездки, планы и прожекты -
всё перечёркнуто дождём.

Всё заштриховано и смыто -
цвета надежд, улыбки уст.
Дождь ходит по души, как мытарь.
Мир обнищавший сер и пуст.

Но хорошо в свою берлогу
укрыться в эту стыть и бредь,
и знать, что ты не одинока,
что есть кому тебя согреть.

Порой иду и вижу в страхе:
непробиваемо глухи,
мелькают рожи, морды, ряхи -
им не нужны мои стихи.

Но есть ещё глаза и уши,
я их повсюду узнаю.
И вижу лица, лики, души, -
для них живу, дышу, пою.

Кричит на митинге мессия,
и автомата блеск свинцов.
Виват, немытая Россия!
Я узнаю тебя в лицо.

Опять до основанья рушим,
опять играем ту же роль.
Пусты карманы, нищи души
и гол по-прежнему король.

Мечтали: дали б только крикнуть,
что гол! И нет пути назад!
Успели к крику все привыкнуть,
а он всё так же голозад.

Лишь раньше свита уверяла,
что платье цвета кумача,
теперь оно трёхцветным стало,
а дело одного ткача.

Исторгнув утро из нутра,
проснётся мой горластый город.
Что делать в свете фар утра
с душой, где только мрак и горечь?

И мутный день, что тот талмуд,
который я прочесть не в силах...
Уже не светит никому
офонаревшая Россия.

Душа подвластна барышу,
кругом тупицы и невежды.
Но я хожу, дышу, пишу...
И разве в этом нет надежды?

Когда души высокий градус
взлетал, как чайка, в небеса -
сверкал нам лермонтовский парус,
горели Грина паруса.

Теперь, витринами сверкая,
горят, как сотни маяков,
по всей России косяками -
огни коммерческих ларьков.

Плебеи вырвались в плейбои.
Крутая выпала стезя -
пиратской промышлять тропую,
из грязи выбившись в князья.

Троллейбус синий... Что за овощ?
О нём не ведаёт ГАИ.
Нам не придут уже на помощь
матросы верные твои.

Итак, наплюйте на лампы.
Их храм воздвигнут на костях.
Эпоха близится распада.
И пули в воздухе свистят.

Тупая, кровавая Родина,
вовек мы тебя не отмоем.
Тоскуя по жизни украденной,
в твоих околеем помоях.

Зари разгорается марево,
небесные очи бездонны...
И облик твой с пьяною харею
сменяется ликом мадонны.

Святая, слепая, юродивая,
бредёшь наугад, наудачу.
К тебе припадаю, уродина,
клянущая, и целую, и плачу...

Новая Россия

Как тебе пьётся и курится,
как тебе хмурится зло?
Съёжилось, скорчилось, скурвилось
всё, что жило и цвело.

Мир был, простой и единственный.
Как неделимость разъять?
Кто-то, глумясь и бесчинствуя,
смёл, как ненужную «ять».

Глас вопиющих на площади.
Боже, как выжить, скажи?!
Не задохнуться от пошлости,
не захлебнуться во лжи?

Снова наивное яблочко
катится времени в пасть.
Как исхитриться нам дьявольски
в пропасти не пропасть?

День ото дня безнадежнее.
Зори пылают в крови.
Эти проклятья острожные -
лик оборотный любви.

Это моё неразрывное,
до отвращения моё.
С болью, коростой, нарывами
слито навек бытие.

Крошится, падает, рушится,
всё погребая во мгле...
Боже, пошли же нам мужество
жизнь пережить на земле.

Этот пошлый мир не стоит песен.
Вечен поединок душ и тел.
И нектар амброзий будет пресен,
если хлеба досыта не ел.

Не жилец в отечестве мессия.
И, как испокон, из тьмы веков
смотрит прокажённая Россия
жёлтыми глазами кабаков.

Нет уже давно советской власти,
и нельзя на зеркало пенять.
Но опять сулят народу счастье
мафиози стран, объединясь.

Русь, как Дунька, вырвалась в Европу.
(Чай, в неё прорублено окно).
Примеряй новинки гардероба -
варьете, бордели, казино!

Где твои пленительные косы?
А была когда-то хороша.
И в алмазах не увидит космос
тёмная косматая душа.

Колокольный звон по наши души.
Это стон по тем, которым жить.
Распростёрлась часть шестая суши.
Словно труп неубранный, лежит.

Я тобою ранена,
я жива тобою.
Русь моя, окраина,
небо голубое!

Всю тебя измызгали,
с молотка пустили.
Пулями и взрывами
как изрешетили.

Нищая, бедомная,
без гроша в карманах,
но глаза бездонные
эти не обманут.

И вода ты мёртвая,
и вода живая,
Русь моя, развёрстая
рана ножевая.

Трижды проклятая жизнь,
как ты всё-таки отрадна!
Пусть банальна эта мысль -
истина всегда стократна.

Завтра будет новый день,
солнцем брызжущий из ставен.
Сонмы планов и идей -
всё успеем, всё поправим...

Сказка обернётся в быль.
Срок бессмертья истекает.
Одноразов дар судьбы.
Хэппи энд?.. О нет! Нокаут!

Вечно ветреная жизнь,
ты всего лишь обещанье,

с тем, чем смертно дорожим -
перманентное прощанье.

Не жалею, не зову,
не кричу былому: «где ж ты?»
В неоплатности живу,
в неизбытности надежды.

Милый мой выдумщик Андерсен!
В чаще поёт соловей.
Там заблудилась без адреса
сказка о жизни моей.

Девочка с нищенским личиком,
так по теплу голодна,
греться пытается спичками
и замерзает одна.

Где та волшебная палочка,
что ворожила бы мне?
В море утонет русалочка,
гибнет солдатик в огне.

Гадкий утёнок оплётанный...
Только однажды весной
кто растопил заколдованный
сердца комок ледяной?

Солнечный сказочник Андерсен!
Стало на сердце тепло.
«Ах, мой милый Августин,
всё прошло, прошло, прошло!»

Если кому-то нерадостно,
если неласкова жизнь,
вспомни про старого Андерсена,
сказкой вооружись.

Доброй, простой и красочной
жизни без всяких затей
нужно учиться у сказочника,
у сердца и у детей.

И не спешите отчаиваться
в свой невозможный час.
Сказка жива, не кончается.
Ждёт хэппи энд и вас!

Я читаю письмо дождя,
то, что мне он строчит на крыше.
А немножечко погода
снегопад белый стих напишет.

Лица улиц открытки шлют,
и ручьи пропоют серенады.
Ото всех я услышу «люблю»,
от тебя лишь — ни слова, ни взгляда.

Сердце — одинокий
остров в океане.
От земли далёкий,
утонул в тумане.

Кто его заметит,
кто его услышит?
И никто на свете
писем не напишет.

Волны будут биться
до изнеможенья...
С кем-нибудь случится
кораблекрушенье.

И кого-то чудом
выбросит на берег...
В это так нетрудно
каждому поверить.

Чайки там летают.
Морем пахнет остро.
Будет обитаем
одинокий остров.

Кораблик

Текут ручьи разливные,
ни для кого не важные.
По ним плывут наивные
кораблики бумажные.

И рванный лист тетрадный
поманит вдруг нирваную,
несбыточной, загадочной
страной обетованною.

Лети, мой синий парусник,
сквозь все ветра весенние,
врезайся в волны яростно
и не ищи спасения.

Мои мечты и чаянья
поведай всем и каждому,
кораблик мой отчаянный,
печаль моя бумажная.

Умирает мой день. Переходит между.
Два часа мне отмеряно только.
Я его удержу! Я его сторожу,
словно собственность, с лампой настольной.

Надвигается снова ночной катафалк.
Опускается занавес чёрный.
Но ещё не заполнена эта графа,
не dokonчен рисунок узорный.

О помедли, мой вечер, не уходи!
Он трепещет, как пленная птица.
Словно что-то ещё меня ждёт впереди,
что-то может сегодня случиться...

*В страну Мечты и Одиночества,
где мы — Величества, Высочества...
М.Цветаева*

Ледяное царство одиночества,
как строга твоя архитектура...
Прихожу сюда, когда захочется
звёздную послушать партитуру.

Королева замка поднебесного
принимает всех в свою обитель.
Так прохладна ласка бестелесная.
Здесь никто не тронет, не обидит.

Вновь меня закружишь, одиночество!
В стиле ретро танец твой печальный.
Купола возвышенного зодчества
излучают музыку молчанья.

Осень, осень, розовое небо!
Твой закат надрывен и багрян.
Всё бледней, грустней улыбка Феба
в обрамленьи охры октября.

Осень, осень, музыка прощанья...
Твоя ласка, нежно-холодна,
растворилась в воздухе печально,
птичьим клином клича из окна.

Осень, осень, золотое сердце!
Холодок ладоней на виски.
Отвори в свои чертоги дверцу,
разожми тиски моей тоски.

Осень, осень, ранние морозы.
Поцелуй, тронутые льдом.
И деревья гнутся, как вопросы.
Но ответ узнаешь лишь потом.

Золотая моя природа!
А зима уже на носу.
Словно перекинь водорода,
обесцветит твою красу.

Обесмертит твои творенья
в изваяниях снеговых,
затушет твоё горенье,
заморозит живой порыв.

Не меняй же своё обличье
на величье, безгрешья спесь.
Будь неприбранной, пёстрой, птичьей,
замарашкой, какая есть.

Расстилай лоскутный ковёр свой,
дли роскошную нищету.
Не спеши в это царство мёртвых,
в эту звёздную мерзлоту.

О Боже, Отец мой родный,
скажи, так не может быть?!
Огонь не бывает холодным,
солнце не может остыть?

Сердце понять не хочет.
Мглой застилает взор...
А солнце заходит к ночи,
и гаснет к утру костёр.

Отныне и присно... И всё же
ночь сердца мудрее дня.
Во тьме мне ещё дороже
свет солнца и жар огня.

И не кончается сказка
неиссякаемых струй...
В лучах — не твоя ли ласка?
А в пламени — поцелуй?

Не могу без содрогания
видеть звёздные миры.
Души милых в бездну канули,
в пропасть чёрную дыры.

Так зловеще, непрощающе
ледяной струится свет.
Механически вращаются
мёртвые тела планет.

Не найти душе обители
в пустоте бездушных сфер.
Где вы, ангелы-хранители?
Миром правит Люцифер.

Утоли моя печали

Называется церквушка
«Утоли моя печали».
Кто-то скажет: «Это нужно»,
а иной пожмёт плечами.

Я туда не заходила,
в эту милую церквушку.
Солнце храм позолотило,
только самую верхушку.

В этот миг мне показалось,
что там ангелы витали...
Окажи мне эту милость,
утоли моя печали.

Одиноко, беззащитно
шпили куполов торчали.
Ах, не знаю я молитвы!
Утоли моя печали...

Я живу, не веря в Бога,
но порой не сплю ночами.

Ты побудь со мной немного,
утоли моя печали.

Деревья выше, глубже нас...
Они парят под облаками.
А мы не слышим Божий глас
и души трогаем руками.

За веками сомкнутых глаз -
миров таинственный раскрас,
как дар, завещанный веками.

Рецепт

Кусочек радуги, щепотку тишины,
глоток дождя, пять капель Пастернака,
тепло ладони, краешек луны,
свежинку вечера, - не много ли, однако? -
сирени куст, соловушки фальцет,
улыбки четверть, чуточку надежды -
и вот уже, гляди, готов рецепт,
как выжить нам и видеть мир как прежде.

А небо беременно радугой,
лежит на верхушках леса.
Губами ловлю, как патоку,
последнюю ласку лета.

Зелёное братство сосновое,
берёзово-белое царство, -
о древнее, вечно новое,
единственное лекарство!

Лишь ты не обманешь доверия,
не ведая собственной власти.
К деревьям — моим поверенным -
спешу нашептаться всласть я.

Я слушаю ваши наречия,
таинственные напевы.
И в каждом дубочке встреченном
мне видится Евино древо.

Зелёное, жёлтое, алое
в прощальном кружит карнавале.
Недаром когда-то ангелы
вас кронами короновали.

Ах, лето, мой рай потерянный...
Прощай, колдовство факира!
И ветер суровый, северный
холодной взмахнёт секирой.

Но вновь зарубцуются раны те,
и всё будет, как вначале...
Я ваша сестра по радости,
по кротости и печали.

Не все ещё корни вырваны
из прошлого в жизни новой.
О сердце! Ещё не вырублен
твой розовый сад вишнёвый!

Этот праздник нигде не отмечен,
но всегда и повсюду со мной.
Призрак счастья прозрачен и вечен,
и звенит мне гитарной струной.

Звёзды счастья в сиреновой влаге
оппадают легко на ладонь.
И пылают в душе моей флаги,
и мерцает в сосуде огонь.

О счастливое это проклятье
подступающих звуков в тиши...
Распростёртое, словно объятье,
близорукое небо души.

Выплеснулись, вырвались стихи
светлой Афродитою из пены,
трепетны, прозрачны и легки, -
это так душа моя запела.

Вымечталась сказка о любви,
солнечная песенка простая.
Если будет грустно — позови,
я её пришлю с грачиной стаей.

Выплакалось счастье из весны
и бурлит, не зная про усталость.
Сколько ещё надо тишины,
чтобы эта пена отстоялась.

Дождь по крыше

Эту ночь осторожно пальпирует дождь.
Всё стучит, то порывист, то тих.
Словно там, в небесах, человечества Вождь
на машинке печатает стих.

Вот опять он бубнит над моей головой...
Что ты капаешь мне на мозги?
Я пытаюсь постигнуть язык дождевой
и загадку невидимой зги.

Продиктуй мне свои ключевые слова,
три заветные карты свои,
те, что знают деревья, песок и трава,
знают иволги и соловьи.

Мне откроется вещая тайна твоя
и подземные корни вещей...
Но уходит он, крадучись, в мрак бытия,
в мелкокрапчатом сером плаще.

Мой мирок, мой рай запечный,
незатейливый, как лапоть.
Ужин сытный, чай покрепче -
что ещё для жизни надоть?

Оставляю без вниманья
бред любви и книжный шорох,
коль очаг меня поманит,
где белья невыттый ворох.

Ни к чему багром иллюзий
ворошить души колодец.
Я скажу незваной Музе:
«Ну зачем ты мне, уродец?»

Путь от печки до порога
завещал нам мудрый предок.
И бессмертие с Чертога
мне швыряет свой обедок.

Одиночество, книги и мысли.
И тетрадь приоткрыта, дразня.

Пусть меня в этой жизни не числят,
где толпа, магазины, грызня.

Я один на один с этим небом,
с очертаньем рассвета в окне.
Буду тем, кем никто ещё не был.
Дорасту до себя в тишине.

На вершинах познания холод.
Запылилась душа, как земля.
Буду слушать свой внутренний голос,
буду ждать, как слова заболят.

Но за всё наступает расплата:
жизнь опять настигает врасплох,
неподвластная музыке лада,
и взрывает размеренный слог.

Я вольюсь в магазинную гущу
и постигну, себе изменяя,
неизменное в вечнотекущем,
неразменное в сутолке дня.

Надвигается час роковой -
ночь отпустит лихие поводыя,
и меня понесёт за собой
захлестнувшее слов половодье.

Я забуду и век, и число
в этой пуще неволи охоте.
Поднебесное взмоет весло,
исчезая в водовороте.

Обмелевшая суша души,
пересохшие губы Тантала...
Утолить эту жажду спеша,
пока утро ещё не настало.

И подслушать у звёздных миров
их язык неисповедимый,
тайну вещей божественных слов...
Но они — непереводимы.

Перевод с языка немоты,
темноты и ночного безмолвья...
А слова так чисты и просты,
и флюиды святой правоты
источают их в небо с любовью.

Первая капля дождя зазвенела
и переполнила чашу молчанья.

Там, где в судьбе оставались пробелы -
выросли строчки любви и печали.

Полночь рассыпала звёзд серебро -
дорого хочет купить мою душу.
Я отпускаю на волю ветров
всё, что в своих кладовых обнаружу.

Заносчивый город карнизы домов задирает,
но дальше носов своих крыш ничего не увидел.
А степь распласталась. И ей открывался астрал,
размякшей от слёз, но на мир и людей не в обиде.

Зароюсь в траве, затеряюсь на этой земле
и буду учиться словам, голубым и зелёным,
что спят в облаках, в сердцевинах цветов и в золе
сгоревших сердец невостребованных влюблённых.

Словам, что давно позабыты людской суетой
и городом гордым, отвергнувшим грешную землю.
Но вторят им птицы природною песней простой,
и степь пересохшими устьями жадно им внемлет.

Знаю, чувствую каждым суставом:
мне не выиграть той игры.
По откосам мои составы,
по обрываю мои миры.

Дом заброшен, зола остыла,
лишь бурьян-трава между плит.
Но пробился росток в пустыне.
Он живой ещё. Он болит.

Ему холодно без одежды.
В чём душа его? Только дунь...
И бездомным щенком надежда
слепо тычется мне в ладонь.

Путь твой прям. Энергична поступь.
И твой заработок высок.
Только где-то там, под коростой,
плачет тоненький голосок.

Время-лекарь придёт с клюкою,
как аппендикс, его удалит...
Ты притронься сюда рукою.
Там Живое. Оно болит.

Дендик

За кусочек лакомый
всю учёность выкажет.
Носик чёрный, лаковый, -
чует, да не выскажет.

Царь в своей обители,
спит, уткнувшись в тапочек.
Вы таких не видели
бархатистых лапочек!

Ушки долгогривые,
хвостик как у зайчика.
Не найти игривее
и красивой мальчика.

Чучело

Среди подшивок с желтизной,
что я листала невнимательно,
я не могу забыть одной
истории душещипательной.

Как краеведческий музей
в селе — за неимением лучшего -
в зал выставил — ходи, глазей! -
фазанье (мужеское) чучело.

Но залетела в то село
вдруг одинокая фазаниха
и стала биться о стекло...
В музее наступила паника.

Она разбила когти в кровь,
стремясь прорваться в здание душное,
чтобы отдать свою любовь
возлюбленному равнодушному.

Застыли крылья на стекле.
От жажды вздрагивало горлышко...
Но на мужском его челе
в ответ не дрогнуло ни пёрышка.

Не в силах это перенести,
она упала там, у здания.
...О женщины! Во всех нас есть
частичка глупого, фазаньего.

Преданье памяти хранит
лицо, что так когда-то мучило.
Как билась о его гранит!..
А это было просто чучело.

Это вечно и невинно,
человечно и зверино,
как замедленная мина,
несмолкаемый прибор,
жарко-красная рябина,
поднебесная вершина,
парус в дымке голубой.

Древность Греции и Рима,
соком брызжащая новь...
Это истинно и мнимо,
это — разума помимо,
ты ему не прекословь, -
осязаемо, незримо,
светом солнца озаримо,
это всё необъяснимо,
это ты, моя любовь!

Не трогай, душа, не буди.
И больно оно, и ненужно...
Хоть тысячу раз тверди -
перед этим я безоружна.

Ещё та ладонь тепла,
и чудится глаз мерцанье.
Не выболело дотла
ненужное воспоминанье.

Ты спрашивал: «Ждёшь меня?»
А я отвечала: «Подружку».
И гасли шаги, маня...
И мокла в слезах подушка.

Вот всё, чем была жива,
что будет все годы сниться.
А будущие слова
томились ещё в темнице.

Проявит судьба негатив,
расставит все нужные точки.
Но вновь этот старый мотив,
когда распускаются почки.

Ни щёлочки в прошлое нет.
Вздыхнут, обрываясь, струны...
Зачем-то хранится билет
на поезд, ушедший в юность.

С неба спускается вечер.
Скоро его не будет.
В сердце впускаю ветер -
пусть он его остудит.

Чёрная ночь закроет
наглухо душный ворот.
От взглядов чужих укроет
мир, где был ты мне дорог.

Мой дом небесный, неземной,
владенье сказок и видений,
где хорошо в тиши ночной
скользить мечтою запредельной.

Мне нелегко между людьми
с душой, как небо, обнажённой.
Ищу защиты от любви,
от груза нежности тяжёлой.

Всё в ожидании конца.
О мир безлюдный и безлюбый!
Заря не подожжёт сердца
и не затеплит чьи-то губы.

Немая музыка любви,
лесная летопись печали...
И тонкий голосок травы,
и звёзды мне о ней молчали.

Ноябрь с заплаканным лицом
погасит тлеющее пламя.
Снежинок невесомый сонм
летит несбывшимися снами.

Чернеет на излёте синь.
Реки заломлены излуки.
И месяц на ущербе сил,
как жёлтый парусник разлуки.

Скрипят и стонут деревья.
Ночные сумерки ложатся.

О жажда горькая родства
душой к чужой душе прижаться!

Опять растопят лёд в крови
рассвета алые улыбки.
Опять всплывут со дна любви
надежды золотые рыбки.

Небесный хлеб моей души
нужнее мне земного хлеба.
Люблю тебя до звёзд в тиши,
до радуг, до седьмого неба!

О небо сердца! В блеске гроз
ты ослепляешь семицветно,
чтоб мир, невидимый от слёз,
дарить любовью безответной.

Утро — самый нежный час,
обморок зари.
Не наступит он для нас,
хоть теперь умри.

Мой недолгий гость души,
оторопь судьбы.
Звук шагов замолк в тиши,
замело следы.

Это день моей тоски.
Тиканье часов.
Но сквозь сжатые виски -
эхо голосов.

Это было так давно...
Пробирает дрожь.
И стучит в моё окно
только снег да дождь.

Край далёкий, от солнца розовый,
отыскала на карте я:
Чегдомын. Посёлок Берёзовый.
Речка горная Буря.

У России на самом кончике,
где багульник цветёт, дразня, -
там текут твои дни в вагончике,
независимо от меня.

Из таёжных лесов обветренных
на конверте твоём печать.
Очень давняя, очень светлая
по тебе у меня печаль.

Кто тебе я, казалось, вроде бы, -
не невеста и не жена,
но сейчас тебе вместо родины,
и поэтому так нужна.

Пусть я буду случайной весточкой,
не захочешь — не отвечай, -
постучавшей в окошко веточкой,
распустившейся невзначай.

А на Пушкинской нашей улице
всё пушисто от тополей.
Дом твой старенький там сутулится,
и от окон его светлей.

Край далёкий заносит вьюгою,
но оклики — приду пешком.
Не женою и не подругою,
просто верным твоим дружкой.

Улочки Саратова,
как вы уцелели,
подвигами ратными
как вас не задели?

Мельничная, Солнечная,
за углом — Лесная,
а за ней — Цветочная,
дальше — Луговая...

Словно лучик в прериях,
различимы еле -
тоненькой артерией
на могучем теле.

Рядом с новостройками
вы как день вчерашний, -
с лужами, помойками,
живностью домашней,

грядками, черешнями,
старой голубятней...
Всех витрин проспектошных
вы стократ занятней.

Здесь зимой — сугробища,
летом — половодье.
Но живут сокровища,
неподвластны моде,

в этих ископаемых,
солнцем озаримых,
чудом обитаемых
улочках старинных.

Луговая, Мельничная...
Там луга и лето.
Там как Богом велено
обитать поэту.

На моей же улице
нет, увы, колодцев.
Впору хоть зажмуриться -
так она зовётся.

Не в лесных соцветиях -
кумачом горя:
«Пятидесятилетия -
о Боже! - Октября!»

Рождество

Утону в небесной нежности,
позабыв, откуда шла,
осенённая безгрешностью
белоснежного крыла.

Словно ангельские вестники,
искры звёздные летят.
Вьюга окна занавесила:
спи, земля, моё дитя...

Чистота непоправимая
непорочного листа.
Немота, переводимая
на живой язык Христа.

Птичий почерк иероглифом.
Воробей как ворожей.
Ставь, метель, свои автографы
на распахнутой душе!

Напиши там что-то нежное
о любви и о весне.

Город тихий и утешенный
улыбается во сне.

Сказка длится, не кончается,
а позёмка за окном
плачет, шепчется, печалится
всё о том же, об одном...

Полюбите меня, пощадите...
Бьюсь устало в окно судьбы.
Словно бабочка, что, не видя, -
на огонь смертной надобы.
Крылья хрупкие. Сердце слабо.
Я не бабочка. Просто баба.

Предсонный сумрак тонок и непрочен.
Безгласны и бесстрастны небеса.
Но вот блеснула шлейфом фея ночи -
открыла мгла алмазные глаза.

О вечно новый замысел извечный!
Облит сияньем лунным окоём,
касанием лёгким путь намечен Млечный,
и только мы, и мы с тобой вдвоём.

И всё смешалось — губы, руки, мысли...
Творец небесный шлёт свои дары.
Как грузно звёзды гроздьями нависли,
как грозно содрогаются миры...

Так беспрепятственно любить,
так безоглядно, опрометчиво...
Миг торопить до дна испить
из чаши Эроса беспечного.

И что там будет или нет -
вперёд не думать, не загадывать.
Из вороха грехов и лет,
как из охапки роз, выглядывать...

О любовь моя, чудо чудное!
Безрассудная, неподсудная,
неусыпная, ненасытная,
сохнут сильные от красоты твоей.

Даль без берега, свежесть вереска,
сердце бедное бьётся вдребезги.
В острова твои все мы высланы.
Все слова твои кровью писаны.

Мы вместе — о чудо! - пускай ненадолго, -
завидуй, прохожий, судачь!
Простит нам измену песчаная Волга,
дремотная суетность дач.

Нас ждут сумасшедшие южные ночи.
Вскипает и пенится кровь.
Да здравствует море! Да здравствует Сочи!
Да здравствует наша любовь!

Отныне мы знаем, как выглядит счастье,
когда оно — вслед за тоской, -
как солнце, как ветер, распахнутый настезь,
как кружево пены морской!

Укрыться в пучине, в берлоге, в пещере,
в чертогах платановых рощ...
Мы будем как дети, как дикие звери,
в купели омоет нас дождь.

В громовых раскатах и всполохах алых
погрепче меня обними.
Прости меня, Боже! Храни меня, Дьявол!
Люби меня, милый. Аминь.

Ночное небо за окном
и вековечный дождь.
А я молила об одном -
чтоб не кончалась дрожь.

Он был замешан на крови,
на таянье снегов.
И беспредел моей любви
не ведал берегов.

Лес встречает соловьиною свирелью,
обучает нас отваге и смиренью.
Небеса полны волшебного свеченья.
Остальное — без вниманья, без значенья.

Лес постелит нам атласную перину.
Это вечно, человечно и зверино.

Перед смертью не надышишься озоном.
Остальное — вне сюжета, вне резона.

Школьная контрольная.
Тщетно — не решу.
Но сию довольная -
я стихи пишу!

И задачи с тыщами
сводятся к нулю...
Не сказать, не высчитать,
как тебя люблю.

Крутит жизнь бессонное
пёстрое кино.
Марши Мендельсоновы
минули давно.

Плётка даром тратится,
и в итоге — нуль.
Я — в домашнем платице
посреди кастрюль.

То к тазам со сливою,
то — к карандашу...
Но брожу счастливая -
я стихи пишу!

Пусть пирог я выброшу,
щи пересолю,
но зато я выражу,
как тебя люблю!

С крыльев бабочки пыльца
облетела.
Нет уже того лица,
да и тела.

И всё реже суд молвы
обличает.
И по отчеству, увы,
величают.

Манят миры законные,
только спешу я домой.
Ты — моё небо законное,
месяц подаренный мой.

В синих просторах горбится
профиль его земной.
Что без тебя мне город сей,
бог с нею, со страной!

Мир отделён портьерами.
Тихо свечу затуши...
Будешь кружить потерянно
в безднах моей души.

Шарик, который вертится,
нежен и невесом.
Мне до сих пор не верится,
что это всё не сон.

Ради чуда нашей встречи
всем прощаю, кто оставил.
Обручило нас колечко
в рук твоих простой оправе.

С новым годом нашей жизни!
Что прекраснее сегодня
этой сказки новогодней,
что когда-то мы сложили?

Эхо опыта чужого,
скучных сплетен гул трескучий -
только отзвук искажённый
наших подлинных созвучий.

До того мы тесно слиты,
что не знаю, где ты, где я,
словно части монолита,
что един и неразделен.

Никому я так не верю.
За тобой — как за державой.
Жизнь одним порывом мерю -
лишь к щеке прильнуть шершавой.

За небесной синей птицей
загнала Пегаса в мыле...
Сто грехов потом простится
нам за то, что мы любили.

Ландыши

Тоненькие вкладыши
в книге берегу -
ласковые ландыши
на лесном лугу.

Свет небесный, радужный,
мятный холодок.
На ладони — ландыша
нежный завиток.

Отчего светла в тиши,
в ореоле крыл?
Оттого, что ландыши
ты мне подарил.

О подснежник, весны зародыш,
как ты выжил один в лесу?
На морозной заре продрогший,
со слезой в голубом глазу.

Сотворённое Божье слово,
его первый несмелый стих.
Нежнолепетный, лепестковый,
он трепещет в руках моих.
Как у грешной моей России
так невинны глаза небес,
незабудок и речек синих,
и подснежников полон лес?

О святые обманы мая!
Я побуду в вас до конца.
И бутоны, всё понимая,
раскрывают свои сердца.

Меня уже те рощи позабыли,
где я брела в цветах своей мечты.
Но вот опять весна, и снова всплыли
воспоминаний нежные цветы.

Весёлый воздух родины и леса!
На радуге, на солнце, на крови
взойдут слова сладчайшего замеса
и расцветут в садах моей любви.

Там сквозь снега деревья прорастают
и облака целуют их слегка.

Там ждёт тебя душа моя простая,
как лес и поле — первого цветка.

Пусть земля омоется любовью,
оденет всё вокруг в цветастый шёлк.
Я ставлю те букеты в изголовье,
чтобы подольше было хорошо.

Мой дом, мой кров, моя пещера,
убежище от суеты,
моя любовь, надежда, вера -
всё это ты, всё это ты.

Душа тепла уже не прячет
и востепенётся — только тронь,
когда в руке своей горячей
твою почувствую ладонь.

Ах, только б этот взгляд любимый,
посеребрившийся висок.
Мой давний, неискоренимый,
осуществившийся мой сон!

Услышать голос твой спросонок,
не расставаться до зари...
Я — твой прирученный лисёнок
из «Принца» Сент-Экзюпери.

Когда погаснувшей зарницей
уйду в нездешние края,
о чём пригрезится, приснится
в последнем шуме бытия?

О чём-нибудь совсем домашнем:
как мы играли с нашим псом,
какой-нибудь обед вчерашний,
как говорили обо всём.

И мне откроется воочью,
что это, в сущности, был рай.
Свети, мой тихий огонёчек,
живи, душа, не умирай!